

АНАСТАСИЯ ЖЕНДАРОВА

ПРИЗРАК
НЕВЕСТЫ

Анастасия Жендарова

Призрак Невесты

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Жендарова А. Д.

Призрак Невесты / А. Д. Жендарова — «ЛитРес: Самиздат»,
2016

Сложно быть не такой, как все: видеть чуть больше, слышать то, что не слышит больше никто, бояться каждого шороха и собственного отражения в зеркале. Быть медиумом почти нереально. Если ты унаследовал этот дар - будь готов к тому, что твоя жизнь превратиться в настоящий фильм ужасов.

© Жендарова А. Д., 2016
© ЛитРес: Самиздат, 2016

Призрак невесты

Глава 1. В объятиях вечности

Пустота. Прохладный ветерок, беспрерывно блуждающий в этой бескрайней тюрьме. Туман, окутывающий моё тело и проникающий так глубоко, что освободиться просто невозможно. Наверное, он счастлив сейчас, с ней... А, может, и нет. Не знаю, я больше не вижу его. Мои глаза застелила густая пелена слепой мести и безмерного гнева, который сочился из незаживающих ран в моей избитой душе. Я мечусь между Раем и Адом. Нет, не тем Адом, которого панически бояться набожные людишки, отмаливающие с утра до ночи в церквях свои грехи, надеясь отхватить себе местечко в Раю, лишь произнеся пару заученных фраз. Не того Ада, в котором горящие сковороды, злющие демоны и всеобъемлющее пламя. Нет, всё это совсем не то. То место, в котором я нахожусь, похлеще любых пыток и бесов. Даже самые страшные ночные кошмары меркнут в сравнении с ним. Я там, где времени нет. Оно просто замирает на неопределенной отметке. Навсегда. Кому-то это может показаться смешным. Время... Подумаешь, да кому оно вообще нужно. Нужно. Сложно существовать в полной дезориентации, не понимая, где ты, кто ты, какой сейчас год, сезон, час... Мы давно потеряли счёт дням. Мы? Я сказала мы? Всё верно, я тут не одна. Нас много. Не так, как грешников в адских котлах, но всё же достаточно. Никто не попадает сюда просто так. Мы все оказались здесь по разным причинам. Алиса, Максим, Саша, Олеся, Вова, Маришка – девушка с необыкновенно красивым именем и тяжелой судьбой – это лишь часть из тех, кто, как и я попал в бесконечные сети пустоты. Тех, кто, как и я вынужден страдать, всё больше, теряя человечность и воспоминания, и всё больше обретая черты демонической сущности, подпитываясь болью друг друга.

В этом чёртовом месте совершенно пусто. Людям сложно представить себе абсолютную пустоту, тем не менее, здесь нет ничего. Только туман и сотни потерянных душ, блуждающих в нём туда-сюда без шанса выбраться и обрести покой. Никто не знает, что ждет нас после. Такие, как я, просто исчезают. Свет, вспышка и его (её) нет. Что происходит по ту сторону – загадка. Может, всё-таки есть надежда? А может, мы все станем лишь частью этого холодного, мёртвого тумана. Неизвестно.

Но далеко не все просто исчезают. Есть и те, кто добровольно остается тут, превращаясь в злобный дух. Вы, смертные, до жути боитесь их. Поверьте, у них есть причины для гнева. Другой же части из нас всё же удается вырваться, завершив свои земные дела: передав послание сестре, предупредив мать об опасности, ей грозящей, увидев свадьбу дочери, отомстив. Вам, живым, это покажется довольно легкой задачей, однако, это заблуждение. Попав сюда, мы начисто забываем всё и всех, кто окружал нас при жизни. Некоторые и имени-то своего не помнят.

Лишь туман – густой и липкий – и образы, то и дело возникающие на его мутно-молочной поверхности. Самые разные картинки – остатки воспоминаний заключённых тут душ.

Наверное, мне никогда не выбраться отсюда, но я должна. Нет, я обязана! И совсем не важно, что будет потом, куда я попаду, кем стану. Это в сотни раз лучше, чем снова и снова переживать день своей гибели. Ах, да, я забыла представиться. Моё имя Света, мне 20 лет, и я мертва.

Глава 2. Торжество

Тёплое весеннее утро. Апрельское солнышко ласково согревает землю, накрывая ее своей незримой простынью, но ещё не печет. Первые его лучи проникают сквозь шторы в мою комнату, озаряя её изнутри весёлыми отблесками. На стенах, окрашенных в нежные пастельные тона, играют шаловливые солнечные зайчики и, что удивительно, я радуюсь им, как в детстве. Невероятное ощущение счастья, эйфории, восторга. Сегодня самый счастливый день моей жизни – день свадьбы! Три года... Я ждала этого целых три года. Всё это время было очень непросто. Нас подкашивали самые простые бытовые проблемы, да и с учебной ситуация

обстояла не самым лучшим образом. И вот он решился, наконец-то решился! Я до конца не могла и не могу в это поверить. Хоть бы всё это не оказалось сном. Я так боялась проснуться.

Сладко потянувшись, словно ребёнок под бочком у любящей матери, я соскочила с постели и, подойдя к окну, раскрыла его, впустив в комнату поток прохладного утреннего ветерка. Сегодня всё, абсолютно всё, вызывало у меня глупую детскую улыбку в тридцать два зуба. Я улыбалась, глядя на детей, резвящихся под окнами моей квартиры, улыбалась, заведев где-то на горизонте неторопливо пролетающий самолёт, улыбалась, заслышав тяжёлую музыку, исходящую из колонок соседа снизу, обычно бесившего меня до невозможности, но не сегодня. Сегодня я просто улыбалась.

На часах ровно десять. К одиннадцати обещала подойти Маша – моя близкая подруга, чтобы помочь с подготовкой. Времени было достаточно, поэтому, приняв ванну и позавтракав, я села за книгу.

Время пролетело незаметно. Оторвавшись от чтения и взглянув на часы, я поняла – Маша явно опаздывала. Уже без двадцати двенадцать, а её все нет и нет. Слегка расстроившись, я набрала номер подруги. С минуту слушая короткие гудки, я решила, что она просто проспала и решила зайти к ней.

Собравшись, минут за десять, я вышла из квартиры. Закрыв дверь, я быстро спустилась по лестнице и, выйдя из подъезда, направилась в сторону Машиного дома. Погода стояла просто замечательная, и настроение немного улучшилось. По пути я решила позвонить Антону. Они очень хорошо общались с Машей, ещё со школьной скамьи, поэтому, мне показалось, что он может знать, где она и почему не отвечает на звонки. Сколько себя помню подруга всегда отличалась пунктуальностью, так что подобное поведение выглядело довольно странно. Антон так же не брал трубку, но меня не смутило и это. Я списала всё на суету и свадебные хлопоты и довольно быстро обо всём забыла. Такая уж я – слишком наивная, смотрящая на мир сквозь розовые очки и до безумия любящая находить людям несуществующие и, порой, слишком глупые оправдания.

Погружённая в свои мысли, я не заметила, как добралась до подъезда Маши, благо мы жили в соседних домах. Уже на месте я снова позвонила подруге, но она по-прежнему игнорировала мои звонки.

Я начала злиться. Время-то идёт, а список дел все ещё не уменьшился. Когда я уже собиралась набрать номер Маши в третий раз, мне пришло от неё сообщение. Оно гласило:

Спустишь через пару минут, жди.

Жди... Видимо, этим я и занимаюсь всю свою жизнь. Но выбора не было. Искать кого-то, кто готов помочь с подготовкой, да ещё и бесплатно, было поздно. Оглянувшись, я заметила неподалёку детскую площадку. Перейдя небольшую дорожку, я села на одну из многочисленных ярких лавочек. Закрыв глаза, я подставила лицо солнцу. Его тепло заботливо ласкало мою нежную кожу, а ветерок игриво раздувал неаккуратно уложенные волосы. Очень скоро всё изменится.

Вдруг, прямо над собой я почувствовала чьё-то лёгкое дыхание. Ещё спустя несколько секунд до боли знакомый голос произнёс:

– Привет, прости, что заставила ждать. Вчера легла поздно, вот и проспала.

Я открыла глаза, зная, кого увижу.

– Привет, Маш, – произнесла я, вставая с места. – Ничего страшного, думаю, мы всё успеем. Но стоит поторопиться – скоро должны подъехать родители. Не хочу заставлять их ждать.

Маша кивнула, и мы отправились по знакомому пути. Всю дорогу на редкость болтливая Машка молчала, не издав ни звука. Лишь изредка она тяжело вздыхала, потупив взгляд. Мне,

несомненно, казалось это странным, и я поспешила узнать, в чём же дело, даже не рассчитывая на какой-либо ответ.

– Маш, что с тобой такое?

– Ничего, всё в порядке, – девушка попыталась изобразить непринужденную улыбку. Честно говоря, у неё не вышло. Актриса из Маши всегда была ужасная. За это девушку и любили – за искренность и неспособность что-либо утаивать или недоговаривать.

– Хорошо, не хочешь рассказывать – не надо. Я не собираюсь выбивать из тебя каждое слово, – мне, естественно, было обидно, но поделаться я ничего не могла. Если Маша не хочет говорить, спрашивать что-либо не имеет смысла. Лишь зря потратишь время и приличную порцию нервов. Упёртость – ещё одна черта её непростого характера.

Маша, почуяв долю обиды в моей фразе, в очередной раз тяжело вздохнула, но предпочла промолчать. Что ж, ничего другого я и не ожидала.

Так мы и шли: в полной тишине и напряжении, каждая думала о чём-то своём и вряд ли наши мысли хоть как-то пересекались. Пару раз я заметила краем глаза, что Машу словно разрывало изнутри каким-то неведомыми мне переживаниями, но, по каким-то непонятным причинам, посвятить мне в них девушка не хотела. Мне стало немного страшно за неё. Что же такого могло произойти? Но ответ, судя по всему, мне узнать было не дано.

Приблизившись к дому, я заметила отцовский джип. Сколько же детских воспоминаний связано с ним. Я помнила каждую царапинку, каждую вмятину, оставленную моими руками годы назад.

– Не успели? – Маша первый раз за время пути подала голос.

– Да, они уже приехали. Ну, ничего, надеюсь, мы не так сильно задержались.

– Мне кажется, сегодня твоя мама простит тебе любое опоздание, – засмеялась Маша, стараясь скрыть явную нервозность, но её выдавал слишком уж наигранный смех. Ладно, пускай думает, что ей удалось провести меня, потом поговорим. Не хочу ссориться накануне такого прекрасного события и портить настроение всем присутствующим.

– Да, ты права, – улыбнулась я в ответ, проигнорировав все знаки, что так настойчиво подавала мне судьба. Все сегодняшние события и детали давали понять – этой свадьбе не суждено состояться. Всё указывало мне на это, абсолютно всё: опоздание Маши, пропущенные Антоном звонки, молчание и нервозность подруги. К тому же, ещё раньше я стала замечать, что они с Антоном слишком сблизилась. Слишком даже для друзей детства. Но тогда, когда моя голова была преисполнена лишь неопишуемой радостью и предвкушением чего-то восхитительного, сказочного, я просто отказывалась воспринимать эти намёки. Хотя обычно я всегда полагалась на интуицию. Жаль, что я не сделала этого тогда, очень жаль.

Войдя в подъезд и поднимаясь по лестнице, я ещё за несколько этажей услышала голоса. Один мягкий, более высокий, нежели второй, излучающий тепло, по которому так изголодалось моё сердце – мама. Я скучала по ней, ведь мы виделись крайне редко. У неё работа, у меня учёба, подработка. Времени на встречи почти не было. Второй голос был несколько грубее и ниже первого, однако, в нём так же чувствовалась любовь, сочетающаяся с умеренной жёсткостью – отец. С ним я не виделась около года. По работе его постоянно отправляют в различные командировки, так что дома он почти не бывает. И я, и мама очень скучаем по нему.

Едва завидев меня на этаже, мама бросилась ко мне с радостным возгласом «Милая моя Светочка!» и крепкими объятиями. Дальше последовали продолжительные поздравления типа: «Я так счастлива за тебя!» ; «Господи, моя малышка совсем выросла» ; «А ведь совсем недавно в первый класс вели, помнишь, Лёш?» и так далее. В процессе мама даже прослезилась. Меня так тронули эти искренние материнские эмоции. Слезы счастья за своё чадо. Отец менее эмоционально выражал свою радость, но всё же его слова тоже заполнили ту пустоту, которая образовалась в моём сердце в его отсутствие.

Всё это время я боковым зрением следила за поведением Маши. Думая, что я совсем не обращаю на неё внимания, она дала волю чувствам и, перестав неумело притворяться, плакала. И слёзы эти были отнюдь не слезами счастья. Терпеть это я больше не могла и спросила в лоб:

– Почему ты плачешь? Неужели не рада за меня?

Вопрос явно застал Машу врасплох.

– Это слёзы счастья. Я рада, очень рада... – всхлипывая, произнесла девушка.

– Правда? Мне смутно верится, Маш.

В разговор вмешалась мама. Она всегда, ещё в раннем детстве, выступала в качестве третьей стороны в наших с Машей спорах. Видимо, с годами это не изменилось.

– Хватит ссориться, девочки. Светик, ну что ты такое говоришь? Конечно, Маша рада за тебя, как же иначе? Перестань говорить глупости, – взглянув на часы, мама воскликнула: – Господи, девочки, как летит время! Нужно спешить, до церемонии остались считанные часы.

Я решила прислушаться к маминым словам. Очень часто я игнорировала её советы, и в итоге это боком мне выходило.

Открыв дверь лёгким движением ключа, я прошла в холл, а дальше в свою комнату. Родители зашли следом и отправились на кухню. Маша заходила последней. Закрыв дверь, она присоединилась ко мне.

– Ну что, начнём? – улыбнулась она, усаживая меня перед зеркалом и распуская мой небрежный “хвостик”. Она улыбалась, но я ей не верила.

– Начнём... – вздохнула я, разглядывая своё отражение. Через пару часов я стану другой. Любопытство съедало меня. Я закрыла глаза, погружаясь в сладкие фантазии.

– Ну, вот и всё, – радостно сообщила Маша, спустя несколько часов. – Можешь открыть глаза.

Повернувшись к зеркалу, я взглянула на себя и замерла. Такой красивой я ещё никогда не была. Машка старалась так, будто это последнее, что она делает для меня.

– Ты почти готова, осталось платье.

Мне не терпелось поскорее увидеть весь образ целиком. В своих мечтах я представляла себя сказочной принцессой, этакой Золушкой, сбежавшей на бал.

И вот, наконец-то, я стояла перед зеркалом, облачённая в прекрасное белоснежное платье, украшенное воздушным кружевом, придававшим платью и образу в целом дополнительную лёгкость. Я смотрела в холодную зеркальную поверхность и не узнавала девушку, отражавшуюся в нем. Принцесса... Нет, королева! Будто сошедшая со страниц модных журналов. Такая волшебная. Затаив дыхание я разглядывала свой облик деталь за деталью. Элегантное кольцо, украшающее тонкую шею, кудри, ниспадающие на плечи аккуратными волнами, перстни, красующиеся на длинных пальцах. На моём лице растянулась счастливая улыбка.

– Ты просто красавица, милая, – едва сдерживая слёзы, произнесла мама, заходя в комнату. – Дай я обниму тебя.

Улыбнувшись, я обняла маму. Она плакала. Она была рада за меня. Я чувствовала это и сердцем, и душой.

– Не плачь, мамуль, не надо, – я вытерла слёзы с маминых щёк, а она просто улыбалась и смотрела мне в глаза. Будь моя воля, я бы продлила этот момент на столько, насколько это возможно.

За мамой в комнату вошёл отец. Он не показывал того, что чувствует, но я знала – ему было тяжело отпускать меня, отдавать в руки чужого мужчины. Для него я всё та же пятилетняя девчушка, рисующая мелками на асфальте солнышко, домик и деревья. Для него я по-прежнему незащищенная, юная, нуждающаяся в защите малышка. Его малышка. Его маленькая девочка. Конечно, он никогда бы не сказал мне всего этого, да я и не нуждалась. Его глаза всё говорили сами за себя.

– Поздравляю, милая, – произнёс он, крепко меня обняв. Я едва не заплакала. Отцовского тепла мне не хватало ещё больше, чем материнского. – Ладно, пора. Лимузин уже подъехал, – отец отстранился, ещё раз осмотрел меня, улыбнувшись краем губ, и вышел из комнаты. Мама последовала за ним. В дверях она остановилась, будто что-то тянуло её обратно, но через пару секунд она все же скрылась из виду, оставив нас с Машей наедине.

– Ты прекрасна, – улыбнулась Маша. В искренность её слов я по-прежнему не верила. – Надеюсь, на своей свадьбе я буду так же неотразима, – она замолчала. Я отвернулась к зеркалу.

– Будешь. Не сомневайся.

В который раз за день повисло неловкое молчание. Напряжение между нами было таким сильным, что я, казалось, могла до него дотронуться.

– Ну что, идём? – произнесла Маша, взяв меня под руку. Я глубоко вздохнула. Совсем скоро всё случится...

У подъезда нас ждал роскошный белый лимузин. На его крыше красовались два золотых кольца, переливающихся на солнышке. Боковые стёкла и ручки дверей украшали яркие воздушные шарики. Я была в восторге!

Внутри салон был так же прекрасен, как и снаружи. Сидения, обшитые кожей, зеркальный потолок, подсвеченный всем спектром ярких огней, создававший в салоне невероятную сказочную атмосферу, сотканную из тайн и загадок; маленький камин, использующийся скорее для атмосферы, нежели по прямому назначению; ритмичная музыка; мини-бар, которым почти сразу же воспользовался отец. Мне всё это, до сих пор, казалось сном. Я боялась вздохнуть лишний раз, дабы не разрушить его.

Мы ехали чуть быстрее среднего. За окном мелькали величественные и массивные городские пейзажи: дома, устремляющиеся куда-то в небеса, соседствовали с маленькими домиками в пять-шесть этажей, магазины, кафе, клубы, суетящийся поток машин, среди которых находились и мы. Интересно, о чем думают все эти люди, несущиеся в своих автомобилях по пустой дороге? О чем они мечтают? О чем сожалеют? Какие строят планы?

– О чем задумалась? – спросила Маша, заметив, что я молча смотрю в окно.

– Не знаю, просто думаю. Нервы сказываются.

Маша улыбнулась, протянув мне бокал с чем-то красным. Очевидно, вино.

– Нет, спасибо. Совсем не хочется пить.

– Да брось, Свет, зато нервничать перестанешь.

Я покачала головой – не любитель алкоголя. Маша пожала плечами и осушила сосуд.

– Расслабься, Свет, ты же на казнь едешь, а на свадьбу. Чего так нервничать?

– Не знаю, так со всеми, наверное, бывает. Колени трясутся просто. Мам, у тебя тоже так было?

Мама кивнула.

– Да, доченька, я тоже очень переживала. Особенно, стоя у алтаря. Но волнение быстро прошло, поэтому не переживай, всё будет хорошо.

Ах, если бы...

Наконец мы прибыли на место. Отец вышел первый. Открыв передо мной дверь, он помог мне спуститься, придерживая подол платья. Папа...

На парковке возле Загса было много автомобилей. Как дорогих, так и не очень, но “Шевроле” Антона я не заметила... Может, опаздывает?

– Мам, Антона ещё нет, он не приехал.

– Мы, видимо, быстро добрались. Надо просто подождать.

Мамочка...

– Да, Свет, до церемонии ещё десять минут, – произнесла Маша, стараясь не смотреть мне в глаза. Её хмельное настроение постепенно улетучивалось. Я заметила это, и картина

постепенно начала складываться, словно пазл. Нет, наверное, я ошибаюсь. Она не могла так поступить. Или всё же могла?

Моя сказка рушилась на глазах. Мой прекрасный сон разлетелся на части, оставляя на память о себе лишь грудку сияющих осколков.

– А будет ли вообще эта церемония? – печально произнесла я, плюхнувшись на лавочку возле парковки. Маша с ужасом посмотрела на меня. Я всё поняла, и она почувствовала это. В её глазах читалось чувство вины, стыд. Но мне было всё равно. Мне не хотелось верить в подобное, сознание отказывалось принимать это. Я до последнего надеялась, что ошибаюсь. Надежда умирает последней, ведь так?

– О чём это ты, милая? – засуетилась мама. – Как это “будет ли она вообще”? Конечно, будет. Что с тобой? Ты просто перенервничала. Он скоро подъедет. Может, тебе водички дать? Лёш, спроси у водителя, есть ли простая вода? Или всё-таки вина лучше? Милая, чего ты хочешь? Лёш, иди же! – мама тараторила без остановки, отец метался туда-суда, не зная, что делать, а я просто смотрела на Машу. Она опустила глаза, избегая зрительного контакта. Сейчас мне хотелось расцарапать ей лицо, вцепиться в её густые волосы пшеничного цвета. Было больно и... Просто больно. – Ну же, доченька, что тебе принести?

– Ничего не надо, мам, правда, – я попыталась улыбнуться. Не вышло. Поднявшись, я поплелась в сторону дома, чем вызвала всеобщее недоумение.

– Милая, куда ты? Антон вот-вот приедет, стой! Что вообще происходит?

Я остановилась и повернулась к матери лицом. Слёзы копились где-то внутри и готовы были в любой момент вырваться наружу. Мне не хотелось, чтобы это видели мои родители. Мне не хотелось, чтобы это видела она.

– Поинтересуйся у Маши, она расскажет тебе всё, что хочешь знать. При чём, в самых ярких подробностях. Так, Маш? Я права?

– Свет, прости, – произнесла Маша, всё так же стараясь не сталкиваться со мной взглядом. – Это как-то само вышло, прости...

Прости, прости... Мало произнести это слово. Если ты не раскаиваешься – оно превращается в обыкновенный бессмысленный звук. Маша же, похоже, совершенно этого не понимала и продолжала твердить одно и то же. Нет, не прощу. Никогда.

– Как-то само... Ничего не хочу слышать, Маш. Знать тебя не хочу.

Мама пребывала в полном ступоре, отец тоже. Повисло минутное неловкое молчание, во время которого каждый из тех, кто стал свидетелем этой сцены, пытался придумать, что лучше сказать в такой ситуации, но слов не было. А я... Мне просто хотелось поскорее уйти отсюда, чтобы не видеть эту лицемерку. Как только я поравнялась с лимузином, водитель открыл передо мной дверь.

– Нет, спасибо, я пешком, – произнесла я, вытирая нахлынувшие, наконец, слёзы.

– Вы уверены? Обещали дождь.

Я кивнула. Дождь... Дождь сейчас самая меньшая из моих проблем.

– Антон, привет. Это Света, ты ещё помнишь меня? Теперь я всё знаю. Что же, ты выбрал для расставания весьма удачное время. Так вот, запомни – я никогда тебя не прощу. Слышишь? Никогда. Надеюсь, ваш брак будет таким же прекрасным, как и наш с тобой, – оставив голосовое сообщение своему несостоявшемуся жениху, я убрала телефон обратно в сумку. За последний час мама звонила мне десять раз, отец, раз пять, а Маша... Она не звонила вообще. Не знаю, почему. Стыдно ли ей за то, что она совершила? Не думаю. Антон... Как же сильно я ненавидела его сейчас.

Предательство. Почему-то мне всегда казалось, что я никогда не познаю его вкус. Что моя жизнь будет долгой и счастливой, без боли и слёз, без потерь и страданий. Как же я была наивна.

Я медленно шла по городским улицам, ловя на себе многочисленные взгляды прохожих. О, эти взгляды, полные сочувствия. Вид у меня сейчас был и правда жалкий: тушь потекла от слез, оставив чёрные полосы на щеках, подол некогда белоснежного платья извалялся в пыли и грязи московских улиц, грустный взгляд, полный боли и сигарета в руках... Да, я вновь закурила. Эмоции, что поделать. Увидь я на улице нечто подобное, смотрела бы так же, так что ничего удивительного, что я сегодня была центром внимания. Я не знала, куда иду. Просто шла и всё. Вперёд. В попытке убежать от навалившихся событий. Слишком много переживаний для одного короткого дня.

На улице постепенно смеркалось. Солнце медленно приближалось к горизонту, окрашивая небо в жёлтые, розовые и рыжие тона. Прохожих становилось все меньше и меньше, так же, как и взглядов, направленных на меня. Все спешили поскорее добраться до дома, где ждёт семья... В отличие от всех этих людей меня домой, совсем не тянуло. Наверняка отец с матерью останутся на ночь, и, приди я домой, завалят меня кучей вопросов, отвечать на которые мне не особо хочется. Не потому, что я обижена, разбита и так далее, а потому, что я не знаю на них ответов. Я достала телефон, чтобы посмотреть время, и как раз в этот момент мне позвонила мама. Мне стало стыдно за своё поведение и игнорирование её многочисленных звонков, и я решила ответить.

– Аллю, – тихим голосом произнесла я, продолжая брести по дороге.

– Светочка, милая! Почему ты не отвечала? Я разволновалась совсем! Где ты? Когда придешь домой?

– Не знаю мам, мне не особо хочется сейчас сидеть в четырёх стенах, прости...

– Доченька моя... – мама замолчала. Послышалось едва уловимое всхлипывание. –

Милая, приходи домой. Мы с папой очень волнуемся за тебя.

Я вздохнула. Жалко мне маму. Даже не представляю, что она чувствует сейчас.

– Ладно, мам, скоро приду.

– Тебе приготовить что-нибудь?

– Нет, спасибо, ничего не хочу, – я поспешила положить трубку, так как чувствовала, что мамыны расспросы на подходе. Это не совсем то, что мне сейчас нужно.

Оглядевшись по сторонам, я поняла, что нахожусь совсем недалеко от дома, буквально в паре километров. Оставалось лишь перейти дорогу и свернуть за площадку.

Светофор призывно загорелся зелёным. Я ступила на проезжую часть и медленно зашагала к противоположной стороне. Вдруг откуда-то слева до меня донесся оглушительный рев мотора. Повернув голову в направлении источника звука, я оторопела. Это была машина Антона. Он сидел за рулём, одной рукой сжимая «баранку», а другой обнимая за плечо Машу. Она довольно улыбалась, по-хозяйски свесив локоть из открытого окна. Надо же... Она совсем не выглядела опечаленной. Периодически Антон отвлекался от дороги, чтобы поцеловать девушку. Я стояла и смотрела на приближающийся автомобиль. Просто стояла и смотрела, не в силах сдвинуться с места. Я понимала, что нужно отойти, освободить шоссе, но ноги меня не слушались. Всё моё внимание сосредоточилось на «Шевроле», угольно-чёрного цвета, который ехал прямо на меня. Это произошло быстро, почти молниеносно. Всего мгновение, и машина столкнулась с моим телом. В тот миг я не почувствовала боли. Однако, к моему сожалению, это был далеко не конец. Автомобиль затормозил в паре метров от места трагедии. Маша сразу же выскочила из салона и направилась ко мне. Я видела всё это, потому что, несмотря на изломанные кости и кашу из внутренних органов, я всё ещё была жива. Девушка быстро поравнялась с моим телом. Слезы потекли по её щекам. Она плакала, а я ощущала во рту вкус собственных почек.

– Света, прости, прости меня... нас. Он не хотел, это вышло случайно. Ты появилась из пустоты, было так темно, и мы, мы не успели... Света, прости... – Маша, словно старый испорченный диктофон, произносила одни и те же слова, взяв меня за руку. Я не чувствовала

её прикосновений. Моё тело пронзала острая боль от каждого вздоха, на которые я всё ещё, на удивление, была способна. Видимо, сломанные ребра повредили лёгкие. Я не могла пошевелиться, просто лежала и смотрела на Машу полумертвым взглядом, изредка моргая. Как кукла. Ненужная, сломанная кукла.

Спустя несколько секунд, казавшихся мне вечностью, к Маше присоединился и Антон. Он с отвращением посмотрел на моё изуродованное тело. Этот высокомерный взгляд я никогда не забуду.

– Вставай, – прорычал он, поднимая Машу за локоть с колен. – Иди в машину, сейчас же.

– Но она же ещё жива, давай вызовем ей скорую помощь... – сквозь слёзы прошептала Маша, переводя взгляд на Антона.

– Я сказал, иди в машину. Я не хочу в тюрьму из-за этой идиотки и ее никчемной жизни. Если ты сию же минуту не сядешь обратно в машину, тебя ждёт та же участь, – злобно, сквозь зубы, произнёс парень, заметив сомнение в глазах новой возлюбленной. Было видно – Маша до ужаса боится Антона и сделает всё, лишь бы остаться невредимой. Сейчас, лежа в луже из собственных внутренних органов и крови, я была даже благодарна Маше за то, что она избавила меня от брака с этим чудовищем. Бросив на меня последний взгляд и произнеся одними губами “Прости” девушка направилась к машине. На половине пути она обернулась, очевидно, решив изменить решение, но ее встретил злобный взгляд Антона. Через пару секунд Маша захлопнула за собой дверцу “Шевроле”. Антон перевёл свой пустой взгляд на меня. Усмехнувшись, он произнёс:

– Какая же ты жалкая, Света. Посмотри на себя, – парень наклонился ко мне, и, откинув с моего лица белоснежную фату, усеянную ало-бардовыми точками-каплями, приблизил свои губы к моему уху, одаривая меня запахом алкоголя и сигарет, и тем же тоном произнёс: – Я никогда не любил тебя, глупая девчонка. Эта смерть единственное, чего ты и правда, заслуживаешь. Жалкая мёртвая невеста, – произнеся это, Антон, проведя напоследок рукой по моей щеке, встал и направился к машине. Спустя пару секунд его автомобиль скрылся из виду. Будто ничего и не происходило. Я осталась одна. Одна посреди заснувшего шоссе, всего в паре километров от своего дома. Дышать становилось всё труднее. Кусок ребра ещё сильнее пронзал лёгкое. Я чувствовала, как по моим губам текла густая кровь, вперемешку с раздробленными внутренними органами. И почему я всё ещё жива?

Не знаю, сколько я так пролежала. Время перестало для меня существовать – оно заменилось отсчётом ударов измученного, до безобразия слабого сердца и тихих, редких вздохов. Я уже привыкла к боли и перестала её замечать. Смерть... Да, сейчас я о ней молила.

Наконец, где-то вдалеке послышался звук подъезжающего авто. В паре метров от меня машина резко затормозила, и из неё с криками выбежала девушка. Дальше всё как в тумане: её истошные, оглушающие вопли, сбежавшиеся, казалось бы из пустоты, на дикие возгласы соседи, сирена “Скорой помощи”, носилки. Мне больше не хотелось жить, мысленно я молила Бога, чтобы он забрал меня и прекратил эти муки. Я слышала звук своего затихающего сердцебиения. Меня занесли в “Скорую” под финальные аккорды моего разбитого сердца.

Глава 3. Выдыхая жизнь

Открыв глаза, я поняла, что нахожусь в палате. Очевидно, в реанимации. К моей груди был прикреплен какой-то тонкий красный проводок, а в руке красовалась игла от капельницы. Я прислушалась: моё сердце еле-еле, но всё же работало. Удивительно: как мне удалось выжить? Я была твёрдо уверена, что там, в машине, под пристальным взглядом медиков, оно остановилось. Аппарат рядом с койкой издавал короткие звуки, схожие с мышинным писком. Я попыталась встать, но ничего не вышло. Первая мысль, пришедшая в мою голову – я сломала себе позвоночник и навсегда останусь инвалидом. Не успела я подтвердить её или опровергнуть, как в палату зашли двое: моя мама и врач. Бедная мамочка... На ней лица не было! Наверное, всю ночь изводила себя, бедная. Но ничего, я ведь жива, это главное.

– Но она ведь... живая, верно? – спросила мама, взглянув на доктора, а потом переведя взгляд на меня.

– Сложно сказать. Аппарат поддерживает её сердце, но мозг... Даже если она и очнется, то, скорее всего, её жизнь изменится не в лучшую сторону.

– Она останется инвалидом?

– Если придёт в сознание – да. Мне жаль.

Мама закрыла лицо руками.

Как это “если придёт в сознание”? Вот она я. Вполне себе живая и здравомыслящая...

– Могу я побыть с ней несколько минут?

Врач кивнул и вышел из палаты, аккуратно прикрыв за собой дверь. Мама присела на край кровати, вытирая выступившие слёзы.

– Мам, не надо плакать, – произнесла я, попытавшись поднять руку. Но мать, будто не слышала меня, она продолжала утирать слёзы, что-то беззвучно произнося губами.

– Милая, – начала вдруг она. – Не знаю, слышишь ты меня или нет... Передо мной сейчас стоит очень трудный выбор, и я не знаю, что мне делать, Светочка, не знаю. Я не могу смотреть на тебя такую... Моя спящая красавица... – мама дотронулась до моей щеки, но я ничего не почувствовала. Происходило что-то, что вызывало у меня массу вопросов, которые, судя по всему, останутся без ответа. – Я приняла решение, доченька. Надеюсь, ты простишь меня, это ведь ради твоего блага. Я хочу, чтобы ты была свободна, чтобы обрела покой... – мама вновь заплакала. Я не понимала, к чему она клонит. Какой покой? Какая свобода? Что ещё за решение? – Сестра! – крикнула она, немного успокоившись. Через секунду в палату вошла молодая девушка в белом халате. – Позовите Андрея Павловича. Скажите ему, что я готова, хорошо? – девушка кивнула, одарив маму грустным, но понимающим взглядом, и вышла из палаты. – Прости меня, принцесса, я так люблю тебя... – мама уже не скрывала слёз. Они ручьем текли из её покрасневших глаз. Через пару минут в палату вошёл врач, которого я видела после того, как очнулась. Он встал рядом с мамой, положил руку ей на плечо и произнёс:

– Я понимаю, как вам трудно было принять это решение, но, поверьте, вы все сделали правильно, – помолчав, он протянул маме лист и ручку.

– Что это? – спросила та, пробегая глазами по тексту.

– Здесь всё то же самое, о чём мы говорили в кабинете, только в письменном виде. Всё должно быть официально, сами понимаете.

Женщина кивнула, взяв документ. Быстро расписавшись, она протянула лист обратно доктору.

– Что ж... – протянул он. – Если хотите, я дам вам пару минут попрощаться.

Нет, не надо, мам, только не это. Я никогда не любила долгие прощания, от этого только больше уходило.

Словно прочитав мои мысли, мама отрицательно покачала головой. Наверное, она боялась передумать, изменить решение в самый последний момент. Я видела, с каким трудом она сдерживает слёзы, представляла, как тяжело ей будет по вечерам в пустой квартире, что она будет испытывать, принося цветы мне на могилу. Да, я поняла, что мертва. Фактически мертва. Единственное, что держит меня здесь – этот бездушный аппарат. Но это уже не я. И никогда не буду собой. Так пусть уж так, чем очнуться и стать обузой своей семье. Я не злилась на маму. Я была ей благодарна.

Подойдя к моей койке, врач молча взглянул маме в глаза. Не надо, мамочка, не плачь. Ты сильная, ты справишься.

Я смотрела на мужчину, подошедшего к аппарату, так противно пищащему все это время. В прекрасно знала, что сейчас произойдёт и смирилась с неизбежностью этого события. Единственное, что не давало мне покоя – Антон. Безнаказанность содеянного им, то, с каким циниз-

мом он смотрел на меня в последние часы моей жизни, яд в его словах... Это злило. Ради мести, пожалуй, я бы осталась жить, но поздно.

Всё произошло почти моментально, но запомнилось мне очень ярко и красочно. Врач поочередно нажимал на кнопки, находящиеся на аппарате. Нажимал медленно, будто продлевая удовольствие... С каждым его движением и жестом, я всё больше и больше теряла чувство реальности, обретая некую лёгкость и свободу. Моё сердце заметно снизило темп. Я почти не улавливала его стук. И вот аппарат издал знакомый мне пищащий звук. Пронзительный, долгий, не смолкающий. Он долго ещё звучал вокруг меня, пронзая пространство, в которое я медленно поднималась. Или опускалась? Понять трудно. Я ушла. Ушла, наполненная гневом, взявшимся почти из пустоты. Гневом, опутавшим меня с ног до головы. Гневом к тому, кто бросил меня умирать посреди заснувшей дороги на глазах у десятков любопытных зевак. Этот гнев... Он не отпустит. И я точно знаю – это ещё не конец. У всего в этом мире есть продолжение.

Глава 4. Тени прошлого

Раннее утро. За окном бушует ливень, сопровождающийся лёгкими раскатами грома. Тяжёлые капли с силой бьют по стеклу, будто просят впустить их в дом. Одиноко. Грустно. Обидно. По привычке я потянулась за мобильным телефоном, чтобы написать сообщение, по привычке желая доброго утра, но тут же вспомнила – она мертва.

С момента похорон Светы прошёл месяц. Ровно месяц назад её не стало, а виновата в этом я. Конечно, мы с Антоном не попали в список подозреваемых, ведь нас никто не видел на месте происшествия, но совесть терзала меня днями и ночами. Я понимала, что, формально, моей вины в том, что случилось, нет, – за рулём был Антон, однако, чувство вины было сильным и глушило все остальные эмоции. Я бросила её там, струсив пойти против Антона... Трудно описать, что творилось у меня внутри: грусть из-за потери подруги, стыд за то, что предала её, боль, жалость к самой себе, определённая доля ненависти к Антону, который уехал в командировку в Прагу, пропустив похороны Светы. А ведь он так любил её. Это не могло быть ложью. Или могло? Я все чаще представляю, что оказалась на месте Светы. Что бы я испытывала? Как себя повела бы? Смогла бы справиться с этим? Слишком много «бы»...

Встав с постели, я проделала приевшийся мне до омерзения алгоритм: умылась, наскоро позавтракала йогуртом и чаем, заправила постель. Взяв телефон, я набрала знакомый номер... Не знаю, для чего я каждый день звонила ей, зачем оставляла все эти сообщения, ведь она их даже никогда не прослушает. Тем не менее, это стало моей привычкой, традицией, ритуалом. Или, вернее будет сказать – помешательством?

В трубке послышались короткие гудки, а затем женский голос произнёс: «Абонент не отвечает, оставьте сообщение после сигнала». Дослушав противный пищащий звук, я, вздохнув, начала:

– Привет, Свет. Месяц... Представляешь, тебя нет уже целый месяц. Я до сих пор не могу с этим смириться, привыкнуть к тому, что ты где-то там, далеко отсюда. Мне сложно принять это. Прости, что не прихожу к тебе на могилу, мне ещё слишком больно. Не могу примириться с этим фактом. Не знаю, слышишь ли ты меня сейчас, но, если слышишь... – я замолчала. Было всё труднее и труднее подбирать нужные слова. – Если ты слышишь, знай – я искренне раскаиваюсь в том, что сделала. Прости, прошу тебя. Тогда я была не в себе. Мне стыдно, что я испугалась, убежала, бросив тебя там, одну. Мои слова ничего не значат, ведь ты даже не прослушаешь все это... Просто прости. Я люблю тебя, Светик, – произнесла последнее слово, я сбросила вызов.

Я понимала, что то, что я делаю – предел. Ещё немного и я окажусь в палате с мягкими стенами, однако, её гибель кардинально меня поменяла.

Дождь, начавшийся с утра, до сих пор не прекратился. Он шёл не переставая вот уже неделю. “Это Ангелы плачут по моей девочке” – так всегда говорила мать Светы. Она вознена-

видела и меня, и Антона. Последний раз мы виделись на похоронах и не обмолвились и парой слов. Несколько раз я писала ей сообщения, в которых старалась объяснить все, что чувствую и просила прощения, но ответа так и не приходило. Однажды я даже пришла к ним домой с букетом цветов, но отец Светы выставил меня за дверь, в довольно грубой форме попросив больше там не появляться. Я понимаю, что она переживает, и не жду этого – прощения. Я знаю, что сама бы я едва ли простила подобное.

А теперь ещё эта глупая привычка звонить ей. Иногда мне кажется, что я схожу с ума. Стою в пустой квартире и наговариваю голосовое сообщение на автоответчик своей мёртвой подруге. И смех, и грех... Нет, с этим явно пора заканчивать. Найдя в списке контактов номер Светы, я нажала «удалить». «Вы уверены, что хотите удалить контакт?». Я вздохнула. Не уверена, но это необходимо прекратить, иначе я просто свихнусь. «Уверенна» нажала я. Контакт удален. Теперь я не смогу позвонить ей. Осталось избавиться от жгучего чувства вины и стыда. Как же было бы здорово, если бы воспоминания так же легко удалялись из памяти.

Время стремительно приближалось к отметке девять часов. Пора собираться на работу. За этот месяц я опоздала уже трижды. Ещё раз – и на мое место можно искать нового сотрудника. Надев приготовленный с вечера костюм и взяв сумку, я, погасив в квартире свет, вышла на лестницу. В подъезде был жуткий сквозняк. Погода совершенно не радовала. Весна выдалась на удивление прохладной. Закрыв дверь, я пошла по лестнице вниз. Я жила на третьем этаже, поэтому лифтом почти не пользовалась. Спускаясь по ступенькам, я то и дело вздрагивала от стука собственных каблуков. Я и правда стала параноиком. Мне всюду мерещилось чьё-то незримое присутствие. Наверное, всему причина – чувство вины. Мне хотелось видеть Свету живой и невредимой, оттого-то и все эти “преследования”. По крайней мере заключение психолога, к которому я ходила в течение последних трех недель, было именно таким.

Оказавшись на первом этаже, я прошла ещё пару ступенек, ведущих к входной двери. Толкнув её, я вышла на улицу. Ужасная погода... Достав зонт, я побрела к остановке. Унылый серый пейзаж действовал похлеще любого снотворного. Я буквально спала на ходу. Остановившись по сигналу светофора, загоревшегося красным, разглядываю проезжую часть: дорогу, машины, тот самый роковой переход. Да, именно тут всё и случилось в тот вечер. Светофор вновь поменял свой цвет, загоревшись зелёным, и я шагнула на проезжую часть. Каждый раз пересекая этот переход, я думала о Свете. Первое время на месте её гибели лежали цветы. Мать девушки регулярно приносила сюда свежие розы. Потом она совсем ушла в себя и забросила это занятие. Надо же, как быстро весенние дожди смыли пятна крови с городского асфальта...

Позади меня раздался протяжный звук, а затем незнакомый голос крикнул мне:

– Уйди с дороги, ненормальная. Тебе что, жить надоело?

А что, хороший вопрос. И правда, надоело ли? Я обернулась. За моей спиной стояло несколько машин, светофор горел красным светом. Я не могла отвести взгляд от того места, просто стояла и смотрела на него, сквозь стену дождя. Мне посигналили ещё несколько раз, выведя из состояния ступора. Перейдя этот злосчастный участок дороги, и оказавшись на противоположной стороне, я обернулась. Не знаю, что я хотела увидеть. Пробка, образовавшаяся по моей вине, постепенно рассосалась. Я подошла к остановке, спрятавшись под козырёк, я ждала автобус, вглядываясь в номера проезжающего транспорта. Невольно, сама того не замечая, я всё время искоса поглядывала на переход. Минута, две, три, пять... Автобуса всё не было. Я порядком замёрзла и промочила ноги. Клонило в сон. Стоило мне прикрыть глаза, как подошёл автобус. Зайдя в салон, я заняла первое попавшееся мне на глаза место – у окна. Оперевшись щекой о холодное стекло, я наблюдала за бесконечным потоком людей и машин. И вновь этот переход. Я заметила на нем девушку. Мне трудно было разобрать её очертания. Слишком сильным был ливень и мутным стекло автобуса. Она стояла, не двигаясь, и смотрела куда-то в сторону. Мимо неё проносились машины, а она, казалось, совсем их не замечала.

В один момент её образ просто растворился в воздухе, рассеченный одним из проезжающих автомобилей.

Я не хотела думать об этом. Не хотела строить предположения, хотя ответы на все мои вопросы уже были. Где-то глубоко внутри моего сознания. Закрыв глаза, я приготовилась к долгой дороге. В полудреме я слушала разговоры людей в салоне, стук дождя о стёкла и чьё-то неровное дыхание у себя за спиной.

Глава 5. Незванный гость

«Сны. Что такое сны? Почему порой нам снятся события, которые никак не могли произойти в нашей жизни, люди, которых мы не знаем, во сне настолько детально, ярко и чётко представляются, что невозможно понять – а спишь ли ты на самом деле? Проснувшись, теряешь ощущение реальности, боишься, что всё происходящее окажется всего лишь очередным сном...»

– Эй, чего это ты там пишешь? – Лиза с любопытством уставилась в мою тетрадку, пытаясь прочитать текст, написанный корявым, неровным почерком.

– Да так, ничего, просто размышления, – я улыбнулась. Ну да, размышления.

– Сочиняешь очередной шедевр?

– Шедевр? – засмеялась я. – Скажешь тоже.

Лиза взглянула на меня, а затем произнесла:

– Да брось. Все эти твои истории о приведениях, духах и прочей нечисти до жути реальны. И они пользуются популярностью.

– Ну, не знаю, – протянула я. Для меня это было полной неожиданностью. Не знала, что их и правда читают. Обычно я писала просто так, для себя. Так было легче, но облегчение длилось недолго, к моему великому сожалению.

– Ладно, не важно. Пойдешь после школы с нами в кафе? Макс сдал на права, хочет это отметить.

– Нет, сегодня не могу. Дядя приезжает из командировки, я должна быть дома.

Лиза заметно расстроилась.

– Точно не сможешь вырваться хотя бы на часок?

– Я постараюсь, – улыбнувшись, я убрала тетрадь в сумку.

Прозвенел звонок, и мы разошлись по кабинетам. Школа, уроки... День тянулся предательски долго. Сегодня мне особенно не хотелось находиться здесь. Да и дома не ждало ничего интересного. Дядя вернётся из командировки, опять начнутся их вечные ссоры с тётёй, скандалы, крики. Лично мне не доводилось наблюдать их склоки, так как дядя уехал ещё до моего появления в их квартире, однако тётя много рассказывала об этом, буквально жаловалась на мужа. Мне бы хотелось вернуться в те времена, когда мама и папа ещё были живы. В те времена, когда всё было иначе. В те времена, когда я была нормальной. Как же давно это было... Стараясь понять материал, объясняемый учителем, я листала тетрадь с так полюбившимися всем историями. Это были коротенькие рассказы, главной темой которых в основном являлась смерть. Вернее нет, не так, скорее, жизнь после смерти. Я писала о том, что знала. О том, чего боялась, к чему привыкла. Я привыкла к своим страхам. Было бы преувеличением сказать, что я с ними справилась. Периодически, они возвращаются, ещё сильнее, чем были в детстве, а мамы нет рядом, чтобы помочь мне их унять. С тётёй я не так близка. Просто некуда больше идти. Первое время после смерти родителей я жила у бабушки, но затем умерла и она. Вот так сразу на меня обрушились смерти близких мне людей. Тётя сразу же приняла меня, не задавая вопросов и не набрасываясь со словами утешения. Наверное, ей тоже знакомо то, что чувствовала я...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.